

Тамара Алехина
Окна, зеркала и крылья бабочки
Сборник эссе о художниках

Как в зеркале вижу себя

*Апеллес влюбился в подругу Александра Великого,
1772 г., Луи Жан-Франсуа Лагрене*

— Потрясающее сходство! — воскликнул Александр Македонский, взглянув на свой портрет. — Я словно в зеркале себя вижу! Как это тебе удастся, Апеллес?

— «Ни дня без линии!» — таково мое правило! — скромно ответил художник.

— Тебе заплатят столько золота, сколько весит сама картина. И напиши-ка мне красавицу Кампаспу в образе Афродиты.

Апеллес с воодушевлением принялся писать портрет возлюбленной молодого царя. Чтобы девушка не скучала во время сеансов, пригласил музыкантов, которые услаждали слух ее музыкой и пением. Однако писал картину так долго, что Александр, потеряв терпение, сам пришел в мастерскую.

— Да ведь она как живая, отчего же ты говоришь, что портрет не окончен? — удивился он.

Апеллес лишь вздохнул в ответ.

— Э, да ты сам влюбился в нее! — догадался полководец и повелел слугам насыпать золота в два раза больше, чем обычно. — Это мой подарок к вашей свадьбе! — пояснил он.

— Но чем я заслужил его? — изумился мастер.

— Ты исполнил мое желание, а я готов исполнить твое, — ответил Александр.

В тот день летописец записал:

«Дара достоин был царь,
Дар был достоин царя».

После смерти Александра Македонского на трон воссел его бывший телохранитель — Птолемей. Главным придворным художником назначил он ученика Апеллеса — Антифила. Самого же мастера ко двору не допускали.

— Кто-то оклеветал тебя, — предположила Кампаспа.

— Но кто? — удивился Апеллес. — Я никому не желал зла.

— Антифил всегда завидовал твоему таланту и трудолюбию.

— Но я научил его всему.

— О, — воскликнула Кампаспа, — я жила при дворе и знаю, что зависть порождает клевету, коварство и ложь! Птолемей не так умен, как Александр, он слушает все, что ему нашептывают приближенные.

— Отличный сюжет для новой аллегии! — воскликнул Апеллес, он схватил кисть, обмакнул ее в краску и стал рисовать на деревянной дощечке, поясняя, — новый царь — это глупец с ослиными ушами. Подозрительность и Невежество — его советники! Клевета тащит за волосы невинного юношу и обвиняет его перед царем.

— Вот за это я и полюбила тебя, мой дорогой, — улыбнулась Кампаспа, — ты способен сотворить шедевр из самого заурядного события.

— А ты способна вдохновить меня на это, — отозвался художник и нежно поцеловал супругу.

Когда работа над новой картиной близилась к завершению, в мастерскую пришел Антифил.

— А ведь это я оболгал тебя перед Птоломеем, — неожиданно признался он.

— Но почему? — удивился художник.

— Потому что ты скрыл от меня главный секрет притягательности твоих картин.

— Нет никакого секрета, — пожал плечами Апеллес.

— Есть, есть! — закричал юноша.

В ту же минуту в комнату вошла Кампаспа с маленькой дочкой на руках.

— Здравствуй, дядя Антифил, — пролепетала девочка и протянула клеветнику пухлые маленькие ручки.

— Вот тебе и разгадка, — улыбнулся мастер, — мой секрет в открытом сердце и чистоте помыслов.

— О, горе мне! — воскликнул Антифил и выбежал из мастерской.

— Ты должен простить его, дорогой, он так жалок! — промолвила Кампаспа.

— Простить? — удивился художник, — да

мне следует благодарить его: до его появления в картине не хватало двух очень важных фигур: Раскаяния и Правды.

Раскаяние я покажу в образе злобной старухи, которая стоит в углу и от отчаяния рвет на себе волосы.

— Потому что в глаза ей смотрит красивая девочка, по имени Правда, — догадалась Кампаспа.

Так родилась «Аллегория Клеветы». И, хотя деревянная картина Апеллеса погибла, подробное описание ее сохранилось, благодаря трудам античных историков.

По этим описаниям флорентийский художник Сандро Боттичелли воссоздал ее в 1495 году.

Фламандское окно

Свадебный танец, 1566 г., Питер Брейгель Старший, Институт искусств, Детройт

В мастерской Питера Брейгеля, по прозвищу Мужичий, работал его ученик и помощник Ян. Юноша покрывал лаком новую картину мастера — «Крестьянская свадьба». Завершив работу, отошел подальше, чтобы лучше рассмотреть изображение. И чем дальше он вглядывался, тем сильнее ему начинало казаться, что он сейчас на зеленой лужайке, где весело играет волынка, и готов сам

пуститься в пляс.

— Вот что значит, настоящее мастерство, — размышлял Ян, — можно научиться писать красками любые предметы, фигуры людей, при помощи света и тени создавать объем, иллюзию глубины пространства, но как научиться передавать живую жизнь, свет и радость ее на плоскости доски?

Неожиданно скрипнула дверь, и в мастерскую вошел незнакомый господин.

— Послушай, братец, где твой мастер? — спросил он.

— Видите ли, господин...

— Банкир Николас Ионгелик.

— А мастера нет.

— Где же он?

— Всю неделю ходит по окрестным деревням, делает зарисовки.

— Эту свадьбу с натуры написал?

— Да.

— Тоже мне невидаль: хмельное мужичье под деревьями пляшет. Не лучше ли сидеть в мастерской и писать картины благородные для состоятельных людей!

— Да Вы не огорчайтесь, мастер сегодня вернется.

— Дело у меня важное очень, так что придется подождать!

Юноша вернулся к работе, а банкир стал прохаживаться по мастерской и внимательно рассматривать картины. У одной из них он остановился в недоумении:

— Никак в толк не возьму, что тут изображено: народу тьма, и каждый чем-то занят.

— Ее лучше рассматривать при помощи рамки. — Ян протянул гостю небольшую прямоугольную рамку, — начните слева направо.

— Один бьется головой о стену, другой вот закапывает колодец, те двое канат перетягивают, а эти нороят вдвоем усесться на один стул! Так ведь это наши пословицы! Сколько же их тут?!

— Больше сотни, — услышал он неожиданно и оглянулся. В дверях стоял рослый крестьянин.

— Откуда ты взялся, братец? — удивился банкир. — И откуда ты знаешь, что здесь изображено?

— Так ведь я сам ее писал! — крестьянин, снял шапку и весело расхохотался. Он смеялся так заразительно, что вслед за ним рассмеялся Ян, а потом и растерявшийся поначалу банкир. Смех волнами расплывался по мастерской, все трое хохотали до слез!

— Так это Вы, Питер?

— Собственной персоной!

— А я к Вам с выгодным предложением: хочу заказать серию «Времена года».

— Вы купили новый дом и хотите украсить его моими пейзажами?

— Нет, не совсем так. Под залог Ваших картин я смогу взять крупную сумму в банке и построить склады в Антверпене: дело очень выгодное, оно сулит мне большие барыши, да и Вы в накладе не останетесь.

— В каком духе Вы хотите, чтобы я их написал?

— В итальянской манере. Я видел в лавке своего кузена пейзажи, которые Вы привезли из путешествия, они мне по душе!

— Да, их охотно покупают в Антверпене.

— Это потому, что в них много итальянского солнца!

— Дорогой мой, Николас, не пора ли нам подкрепиться: ведь мы оба с дороги? Пообедаем и обсудим наши дела!

— Не откажусь!

— Послушай, Ян, — обратился Брейгель к ученику, — здесь в сумке всякая снедь, накрой на стол и принеси умыться.

Через несколько минут на столе оказались самые простые блюда, бутылка вина, сыр, хлеб, фрукты и овощи.

— Когда проголодаешься с дороги, нет ничего вкуснее свежееиспеченного крестьянского хлеба, никакие заморские кушанья не заменят их.

— Действительно, очень вкусно! — согласился банкир.

— Примерно так обстоит дело и с живописью, Николас. Итальянская манера достойна восхищения. И я сделал множество открытий, изучая ее. Пейзажи тамошних мастеров подобны распахнутым окнам, а портреты — зеркалам. Однако самое великое открытие сделал я, вернувшись домой после долгих странствий. Я спросил себя: почему Тициан так прославлен в Италии, почему его работы так дорого ценятся?

— Почему же?

— Да потому что он пишет то, что хорошо знает и любит. И тогда я спросил себя: «А что тебе, Питер, доставляет радость? Что позволяет тебе быть самим собой? И, наконец, что ты знаешь лучше всего?»

— И что же Вы ответили?

— Что больше всего на свете люблю край, в котором родился! Когда я, в простой крестьянской одежде, на рассвете выхожу за город, меня приводят в восторг вещи самые простые, зрение и слух мои обостряются. Я взбираюсь на холм, вижу перед собой поле золотой пшеницы, синее небо; свежий ветерок обвевает меня; трели жаворонков ласкают мой слух; я ощущаю радость и необыкновенный прилив сил! Тогда беру в руки кисть и начинаю писать тут же на открытом

воздухе! Разумеется, это всего лишь эскизы, но они помогают сохранить впечатление.

Вот зачем я ухожу из города, взгляните, — Брейгель открыл папку и стал показывать свои наброски, сделанные на природе в разное время года. — Вот она, моя Фландрия, ее бескрайние просторы: поля и холмы, реки и ручейки, церкви и жилища крестьян, ее земледельцы и пастухи, жнецы и жницы, охотники и рыболовы. Эти люди — соль земли. Они живут в гармонии с природой.

— Они поистине прекрасны! — изумился банкир. — Много раз видел я эти ландшафты и этих людей, однако считал их такими заурядными, такими обыденными! Вы словно распахнули передо мною окно в знакомый и, в то же время, какой-то неведомый мир.

— Это старое фламандское окно, Николас, я лишь добавил немного итальянского солнца и воздуха!

— Скажите, Питер, из этих эскизов может получиться серия картин?

— Разумеется! — подтвердил Брейгель. — И я напишу ее в лучших традициях фламандской живописи.

— Однако...

— Однако добавлю в нее итальянского солнца! По рукам, Николас?

— По рукам, Питер!

Новые впечатления для новых картин

*Игроки в карты, ок. 1594 г., Караваджо, Музей
Кимбелла, Форт-Уэрт*

Микеланджело Меризи де Караваджо работал в своей новой мастерской на вилле кардинала дель Монте в Риме. Кардинал заказал ему картину «Лютнист». Позировал молодой художник Марио Минити. Караваджо создавал свои картины быстро, не делая предварительных набросков: на загрунтованный холст наносил рисунок черенком

кисти. Потом хватал палитру, смешивал краски, уверенно наносил их на холст, особое внимание уделял свето-теневым контрастам, они помогали делать фигуры и предметы жизненно убедительными, объемными. Художник обладал необыкновенной работоспособностью и выносливостью. Он мог работать много часов подряд, не зная усталости. Однако Марио, который позировал с лютней в руках, устал и чуть пошевелил пальцами.

— Какого черта! Марио! Перестань ерзать! — крикнул Караваджо.

— Я устал, Микеланджело, руки и шея совсем затекли.

— Да как ты смеешь мешать мне в самый ответственный момент! — закричал художник и запустил в юношу кистью.

— Ну, все, моему терпению пришел конец! Я ухожу!

— Убирайся к черту, негодный мальчишка! Не нуждаюсь в твоих услугах!

— Выйдешь на улицу и найдешь новое приключение на свою голову!

— Да как ты смеешь! Вот, посмотрите, кого я пригрел на своей груди — змею!

— А ты вор! — прокричал Марио и спрятался за стол, — дикий разбойник, если бы не твой покровитель, кардинал, ты гнил бы в тюрьме.

— У-у-у, — зарычал Караваджо и бросил в Марио палитру. Тот ловко увернулся.

— Мне надоели твои дикие выходки, да и в живописи ты дикарь: разве можно писать так грубо, чего стоят одни грязные ступни на переднем плане этой картины!

— «Мадонна пилигримов» — лучшее, что я создал за свою безумную жизнь!

— Вот именно, безумная жизнь бродяги! — крикнул Марио и выбежал из мастерской. В дверях он едва не столкнулся с незнакомцем.

— Добрый день, Караваджо! Поссорились со своим помощником?

— Выгнал, негодяя! А вы, господин...

— Винченцо Джустиниани, банкир из Генуи. Кардинал посоветовал мне купить несколько ваших работ.

— Смотрите сами! Мне надо писать «Лютниста». Я пообещал высокопреосвященству сегодня закончить.

— Вы позволите мне взглянуть?

— Когда закончу! — отрезал Караваджо и вернулся к своей работе.

А банкир тем временем стал внимательно рассматривать картины, развешанные по стенам мастерской.

— Вы только взгляните на эту мошенницу, — воскликнул он, остановившись у картины

«Гадалка». — Томным взглядом и кокетливой улыбкой отвлекает она молодого человека, чтобы усыпить его бдительность, а сама тем временем снимает с пальца перстень!

— Вы заметили? — усмехнулся Караваджо.

— Это сделано мастерски: наиболее освещенное место на картине — милостивое лицо юноши, а лицо прелестной гадалки и руки обоих персонажей в тени, вот почему суть происходящего раскрывается не сразу.

На второй картине тот же мотив плутовства: богатый и наивный юноша в руках у мошенников. Чего стоит этот выразительный, скошенный взгляд старшего. И невинный, простодушный взгляд обманутого юноши, который ничего не замечает. Очевидно, Вы хорошо знакомы с этой средой?

— Вам ли, господин банкир, не знать, что все люди делятся на два сорта: на тех, кто надует и на тех, кто позволяет себя обманывать.

— Если Вы намекаете на меня, то ставлю Вас в известность, что капитал и имение я получил в наследство.

— А вот я ничего не получал, кроме тычков и подзатыльников. Я был совсем мальчишкой, когда умер мой отец, архитектор. Шатался по улицам с компанией бунтующих подростков, мать была не в состоянии прокормить троих детей, приходилось приворовывать, чтобы не сдохнуть с голоду.

— Но как же Вы стали художником?

— Мать отдала меня в мастерскую к одному миланскому живописцу, дальнему родственнику отца. Там меня немного учили анатомии, перспективе, но большую часть времени я занимался тяжелой работой по дому. Вскоре я сбежал в Рим, устроился помощником к одному художнику. Но тот решил, что я буду работать на него за кусок хлеба. Не тут-то было. От него я тоже сбежал.

— Прихватив с собою мешочек золотых? — усмехнулся банкир.

— Прихватил то, что принадлежало мне по праву.

— И угодили в тюрьму.

— Мадонна пилигримов всегда приходила мне на помощь. Когда его высокопреосвященство кардинал дель Монте увидел мои картины, они привели его в такой восторг, что он отдал за меня выкуп, предложил поселиться на этой вилле и писать для него.

— Здесь отличные условия.

— Да, недурно, — проворчал Караваджо.

— Неужели и отсюда сбежите?

— Как только поднакоплю деньжат. Для новых картин нужны новые впечатления!

— Вовремя я заглянул к нему, — подумал про себя банкир, а вслух произнес:

— Покупаю все, что здесь находится, кроме «Лютниста», разумеется. Он ведь принадлежит кардиналу.

— Могу сделать для Вас копию, только предупреждаю, что стоить она будет не меньше оригинала, который, к слову, уже готов.

— О! — воскликнул банкир, взглянув на картину. — Какое поразительное сходство! Разумеется, я готов заплатить столько же!

— Что ж, если в ближайшие два дня я не попаду в какую-нибудь отвратительную историю, будет Вам копия.

— Как только управитесь, доставьте картины ко мне домой. Вот адрес. Деньги получите сразу, наличными.

— Идет! — обрадовался Караваджо.

Потирая руки от удовольствия, банкир вышел из мастерской: сегодня он сделал бесценное приобретение. Пройдет время, и картины этого гениального бродяги будут стоить в десятки, сотни раз больше!

Фрейлины, шуты и придворный живописец

*Менины (Фрейлины), 1656 г., Диего Веласкес,
Национальный музей Прадо, Мадрид*

— Где же картина: тут все как настоящее, живое?! — воскликнул Филипп IV, испанский король, входя в мастерскую Диего Веласкеса.

— Благодарю, Ваше величество! — художник низко поклонился.

— А ты все продолжаешь работать над «Менинами»?

— Необходимо расставить акценты.

Король был большой любитель живописи и высоко ценил талант своего придворного живописца. В мастерской у него было собственное кресло, в котором он подолгу сидел, наблюдая за работой мастера и рассуждая об увиденном.

— Какая необычная композиция. Это похоже на картину в картине.

— Распахнутые двери помогают создать дополнительный источник света и красиво расположить фигуры в пространстве.

— На переднем плане мой ангел, Маргарита! И милые фрейлины, которые заботливо склонились над ней, и шутихи. А на втором плане — кормилица и учитель музыки. В проеме двери, застыл наш верный камердинер. Он с любопытством наблюдает за работой художника со стороны, то есть за Вами, мой друг Диего. А в зеркале, словно в туманной дымке отражаются наше королевское величество и наша августейшая супруга, королева Испании. Оригинальная композиция. Мы довольны!

Король встал с кресла и стал прохаживаться по мастерской, разглядывая картины Веласкеса, развешанные по стенам.

— Не зря тебя называют художником истины, ты всегда стараешься быть верным натуре.

Король остановился у портрета своего шута:

— Объясни мне, Диего, почему это нашего дурачка Себастьяно ты пишешь таким серьезным. Для меня Себастьян — сплошная гримаса, бесконечные ужимки, остроты и дикий хохот, он так забавно ковыляет на своих коротких кривых ногах, так чудесно всех смешит.

— Видите ли, сир, Себастьян часто приходит ко мне в мастерскую. Смотрит, как я работаю, тихо сидит на маленькой скамеечке, в эти минуты он всегда очень серьезен и задумчив. Как-то он рассказал мне историю своей жизни. Ему было лет шесть, когда умерла его мать, его отец, старьевщик, на целый день оставлял его на городском рынке и заставлял просить милостыню.

— Да, да, я припоминаю, мы подобрали его мальчишкой на улице: уж больно он забавно попрошайничал. Но при дворе он живет как у Христа за пазухой.

— Так оно и есть, Ваше величество, однако лицо Себастьяна смеется, а душа его скорбит.

— Друг мой Диего, живопись скорби — не для Вас. Пусть этот бродяга Хусепе де Рибера пишет на сюжеты мученичества, пусть изображает нищих, пилигримов. Вне всякого сомнения, он талантливый художник, но ему открыта лишь мрачная сторона бытия.

А Вы тонко чувствуете красоту, умеете не

только передать сходство, но и воссоздать пышное великолепие, наполнить картину светом и воздухом.

Вот почему так притягательны «Менины». Здесь все приведено в цветовую гармонию. Именно в этом и состоит предназначение истинного искусства: радовать глаз и душу! Мне нравится такая живопись! И никто никогда не переубедит меня в обратном! — воскликнул король, приняв при этом очень эффектную позу.

Веласкес и не собирался спорить: тридцать лет прожил он при дворе и знал, как важно не перешагнуть тонкую грань, за которой он был не великим Веласкесом, а всего лишь подданным его величества короля Испании.

Франчо и августейшее семейство

*Семья короля Карла IV, 1800 г., Франсиско Гойя,
Национальный музей Прадо, Мадрид*

Друг мой, Франчо, — король положил свою мягкую пухлую руку на плечо Гойи, — мне бы хотелось, чтобы портрет королевской семьи Карлоса 4 представлял собой семейную идиллию.

— В духе Веласкеса? — уточнил художник.

— «Менины» — вещь восхитительная!

Однако мне хотелось бы, чтобы это была сцена у домашнего очага: в маленькой гостиной собрались испанские Бурбоны: королева Мария-Луиза, наши прелестные дети, инфанты, братья и сестры наших величеств. Ребятишки играют, дамы занимаются рукодельем и мило беседуют.

Гойя слушал почтительно, но внутри у него все кипело от негодования: король предлагает ему создать семейную идиллию, то есть показать то, чего на самом деле не существует.

Много лет он занимает должность придворного художника, эти люди благодетельствовали его, щедро вознаграждая за труды, но их обычаи и нравы по-прежнему чужды ему. В душе он все тот же махо, человек из народа, вспыльчивый, гордый и бесстрашный, каким был в юности.

А король тем временем продолжал:

— Я сижу за карточным столом, демонстрируя инфантам свою уникальную коллекцию часов, объясняя, что они подобны живым существам, что им необходима забота и человеческое тепло, поэтому большую часть коллекции я всегда ношу на себе.

В эту минуту в мастерскую грациозно вошла королева Испании Мария-Луиза.

— А, вот и наша августейшая супруга! А мы тут обсуждаем будущую картину.